

9. *Pynchon Thomas*. Gravity's Rainbow. N. Y.: Penguin Books, 1987. 776 p.
 10. *Spark Muriel*. The Hothouse by the East River. N. Y.: The Viking Press, 1973. 146 p.

REFERENCES

1. *Gal'perin I. R.* Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 140 s.
2. *Lotman Ju. M.* Ob iskusstve. Struktura hudozhestvennogo teksta. Semiotika kino i problema kinoetiki. Stat'i. Zametki. Vystupleniya. SPb.: Iskusstvo, 1998. 702 s.
3. *Mazanov E. Ju.* Kognitivnye mehanizmy i jazykovye sredstva reprezentatsii prostranstva v anglo-jazychnom tekste hudozhestvennoj prozy: Avtoref. dis. kand. philol. nauk. M.: Moskovskij gos. lingv. Universitet, 2004. 24 s.
4. *Nozdrina L. A.* Poetika grammaticheskikh kategorij: Kurs lektzij po interpretatsii hudozhestvennogo teksta. M.: Dialog; MGU. 232 s.
5. *Barth John*. The Tidewater Tales. Baltimore: Maryland Paperback Bookshelf, 1997. 655 p.
6. *Heise Ursula K.* Chronoschisms. Time, Narrative and Postmodernism. Camb.: Cambridge Univ. Press, 1997. 286 p.
7. *McHale Brian*. Constructing Postmodernism. L. and N.Y.: Routledge, 1992. 342 p.
8. *Nealon Jeffrey T.* Double Reading. Postmodernism After Deconstruction. Ithaca and L.: Cornell Univ. Press, 1993. 200 p.
9. *Pynchon Thomas*. Gravity's Rainbow. N. Y.: Penguin Books, 1987. 776 p.
10. *Spark Muriel*. The Hothouse by the East River. N. Y.: The Viking Press, 1973. 146 p.

A. H. Мыреева

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ЯКУТСКОМ РОМАНЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В анализе якутского романа в аспекте традиций и новаторства избран геокультурологический подход, получивший актуальность в современном литературоведении. Выявлена роль сакрального ландшафта в структуре эпического жанра, начиная с повестей П. Ойунского, романов Амма Аччыгыя «Весенняя пора», Н. Якутского «Судьба» и завершая рассмотрением исторического романа В. Далана «Тыгын Дархан», философских романов И. Гоголева «Богиня милосердия» и «Третий глаз». Выделяется явление неомифологизма, жанрового синтеза. Сделан вывод, что геокультурный образ мира в якутском романе предстает как материнское лоно природы, формировавшей менталитет народа саха.

Ключевые слова: геокультурный, человек, природа, сакральный, ландшафт, роман, мифопоэтический локус, неомифологизм, жанровый синкретизм, менталитет.

A. Myreeva

The Geo-cultural Image of the World in the Sakha Novel: The Tradition and the Present Time

When analyzing the Sakha novel in terms of traditions and innovation, a geo-cultural studies approach has been applied. The role of sacral landscape in the structure of epic genre is emphasized and described in Platon Oyunskiy's stories, in Amma Achigiya's novels "Saaski kām" (The spring time), Nikolay Yakutskiy's "Tölkö" (The fate), Vasily Dalan's historical novel "Tigin Darkhan", Ivan Gogolev's philosophical novels "Ieyekhsiti kälätii" (The Goddess of Charity) and "Uhüs kharakh" (Third eye). The phenomenon of neo-mythologism, genre synthe-

sis is discussed. A conclusion is made that the geo-cultural type of the world in the Sakha novel appears as a maternal bosom of nature that formed the Sakha mentality.

Keywords: geo-cultural, the human, nature, sacral, landscape, novel, mythological-poetical locus, neo-mythologism, genre syncretism, mentality.

В современном литературоведении актуален геокультурологический подход, который признает важнейшим фактором связь человека, народа в целом, с природной средой, с которой он идентифицирует свою самобытность. Как отмечают исследователи, поэтическое место природы становится мифопоэтическим локусом, носителем культурной памяти народов, олицетворяя душу природы [8, с. 470].

Геокультурологический подход к исследованию якутской литературы демонстрирует широкую картину географии священных мест природы Якутии. Начиная еще с поэзии А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова-Алампа, творчества П. А. Ойунского, сакральный ландшафт занял особое место в идейно-философской концепции, в структуре самых значимых произведений.

Благословенная земля Таатты стала родиной основоположников нашей литературы, она воспета в произведениях А. Кулаковского, П. Ойунского, А. Софронова-Алампа, Суорун Омоллоона и др. В творчестве А. Е. Кулаковского многопланово воссоздана взаимосвязь природного и человеческого мира, своеобразная натурфилософия, обусловившая особенности его творческой индивидуальности.

Еще в начале XX века в философской поэме «Дары реки» (1909) поэт воссоздал мифопоэтический локус величавой реки Лены — кормилицы и защитницы народа саха. Своим чутким творческим прозрением он предугадал драматические коллизии во взаимоотношениях человека с природой. Как ни охраняет природа свои сокровища, человек с «изворотливыми мозгами» действует вопреки законам окружающего мира. Самое опасное поэт видел в том, что издержки цивилизации, разрушение природы калечат душу человека. В символическом

противостоянии природных стихий поэт утверждал истинный гуманизм.

Творческое мировидение А. Кулаковского приобрело необычайную философскую глубину и гуманистическую остроту в философской поэме «Сновидение шамана» (1910), в которой представлен ландшафт всей матушки-земли. Мысль якутского поэта достигает «ноосферного» уровня, обнимая «вселенную всю и весь круг земной». Тревога автора поэмы за судьбу родной земли приобрела общечеловеческий, планетарный характер — это боль за судьбу всего человечества на планете Земля, содрогающей от войн и социальных конфликтов.

С дистанции исторического времени поновому раскрывается многозначный философский подтекст и гуманистическая основа произведений П. Ойунского. Гуманистическая концепция поэмы «Красный шаман» и повести «Кудангса Великий» едина: гармония человека и природы, своеобразный «космизм» мироощущения. Кудангса Великий восстает против владычества судьбы, небесных сил, отстаивая право человека на жизнь, на бессмертие: «Ум и стремления двуногого, видимо, никогда не померкнут». Повесть перекликается с нашей современностью важной гранью своей проблематики: автора волновали те трагические последствия, к которым может привести вмешательство человека в устоявшийся мир природы.

Осью эпического сюжета является поэтический образ родины — «милая земля саха». В произведение, полное трагизма, светлые ноты вносят пейзажные картины, овеянные любовью к родной земле и утверждающие добрые начала жизни.

Традиции основоположников якутской литературы получили развитие в творчестве писателей последующих поколений. Тема

«человек и природа» получила многогранное освещение во всех видах и жанрах литературы.

Первые якутские романы эпического плана «Весенняя пора» (1944) Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа и «Судьба» (1947, 1960–1964) Н. Якутского характеризуют глубинное постижение философии народной жизни, «целостная картина мира жизни» (М. Бахтин).

В романе «Весенняя пора» важен этногенетический аспект освещения истории народа. Воссоздавая эпическую панораму жизни народа саха в начале XX века, в исторически переломную эпоху, автор многопланово показывает традиционный уклад жизни народа, его нравственно-эстетические устои.

Роману присущ жанровый синкретизм: в нем явны черты эпопеи с его национально-исторической проблематикой, а также черты биографического романа и социально-психологического повествования. Можно сказать, «Весенняя пора» — это «роман воспитания».

В романе многогранно показано то, что можно назвать этнопедагогикой, основная сюжетная линия раскрывает историю нравственного и духовного формирования главного героя — Никиты Лягярина. Открытие мира для юного героя — это и познание красоты человеческих взаимоотношений. Носителями высокой нравственной культуры, истинного гуманизма, «учителями жизни» для Никиты предстают люди из самых народных глубин, такие, как Дарья, Дмитрий Эрдэлиир, Афанас Матвеев, Федор Ковшов, мать и отец.

Центром мироздания для юного героя является микрокосм родного аласа, родной реки. В формировании личности героя, в пробуждении в нем эстетического чувства особую роль играет окружающий мир природы. Стиль романа отличает живописность, «картинность». Красочные пейзажные описания определяют и место, и время действия (хронотоп), сообщают динамизм повествованию.

Для структуры эпического произведения характерна многоплановость пейзажных картин, отражающих оптимизм народного мирозерцания. В них показано своеобразие природы Якутии. Как отмечал Г. К. Боевский, «Пейзажные зарисовки Н. Мординова отличаются светлой тональностью, многокрасочностью и полнотой тех оттенков и нюансов, которые передают неповторимое очарование якутской природы» [2, с. 90].

В романе, воссоздающем полноту традиционного образа жизни народа, важен природный трудовой календарь, определяемый ритмом уклада жизни. Как самое большое счастье для семьи бедного крестьянина, вынужденной большую половину года ходить на заработки, показана картина сенокоса в родном аласе: «На безбрежном лугу там и тут виднеют шалаши, повсюду дымят костры, копошатся люди, утопая по грудь в высокой траве, ослепительно сияют отполированные косы. Ходит под ветром, волнуется высокая трава, и переливаются на лугу огромные валы» [6, с. 70–71].

В многоплановом эпическом произведении материальная и духовная субстанция жизни народа предстает в органическом сплаве. Именно красота родной природы, живая стихия народного поэтического творчества, чтение классической литературы определяют формирование духовного мира героя, будущего писателя.

Теперь, в новых условиях, мы вправе утверждать, что социально-классовые коллизии романа отступают на второй и третий план перед магистральной темой, воссоздающей философию народной жизни, утверждающей общечеловеческую значимость гуманных норм истинно человеческих взаимоотношений.

Традиция широкого эпического повествования, начало которому было положено романом Амма Аччыгыйа, получила развитие в лучших явлениях жанра в якутской литературе.

Роман Н. Якутского «Судьба» отличает широта национально-исторической пробле-

матики, в основе эпического сюжета — судьба якутского народа в первой четверти XX века. Впервые в якутской литературе центром эпического романа стала история любви. В основе сюжета — предание о любви дочери главы Средневилюйского улуса Майи Харатаевой и батрака Федора Владимировича.

Легенда послужила основой реальной истории жизни народа в начале XX века. Историзму, достоверности повествования способствует и введение исторических персонажей, обозначение географически конкретных явлений края: реки Лена, Вилюй, озеро Ниджили, селения Намского улуса, а также Витим, Бодайбо. Все это воссоздает геокультурный образ мира народной жизни.

Первую книгу трилогии отличает этнографическая конкретность описания быта и нравов якутского общества начала прошлого века. Художественно полнокровно воссозданы жизнеустройство сельской глубинки, трудовой календарь, семейный уклад, правовые отношения.

Важно подчеркнуть особую роль живописных пейзажных картин в романе. Они глубоко лиричны, воспроизводят душевный мир героев, сложность их переживаний. Проникновенным лиризмом пронизаны страницы, повествующие о любви главных героев. Майю, смело порывающую со своим сословием и уходящую в неведомую даль с любимым, провожает утро ясного дня: Майя «не знала, как по утрам поет, заливается вся тайга, и нет у той песни ни начала, ни конца». Чаще им сопутствует весна: «Весна вступила в свои права, наполнила воздух пряным запахом трав и хвои. Лес зазеленел молодой листвой и шумел теперь радостно, приветливо» [9, с. 13].

Пейзаж в первой книге многофункционален. С одной стороны, пейзажные описания способствуют созданию эпического фона, сообщая лиризм и поэтическое звучание. С другой стороны, это и проникновенный рассказ о духовной жизни героев романа. Постоянные образы — лейтмотивы в

романе — небо, река, многозвучный лес, и, главное, солнце. Эти образы постоянно меняются, определяя темп повествования, движение сюжета. Если Майю и Федора в начале пути сопровождает ласковое солнце, то впоследствии, в трудные дни испытаний и унижений, оно становится багровым, зловещим. Не всегда природа сияет яркими красками, не всегда лес поет, но в романе есть и другие картины: таков засохший лес на вырубках Витимской тайги.

Если в первых отзывах о романе чаще отмечалась темнота, забитость улусной жизни, беспросветная нужда, то важно отметить, что обилие пейзажных описаний (особенно в первой книге романа) определяет светлый колорит повествования, выражает оптимизм авторской концепции народной жизни.

В конце XX века, в переломный момент эволюции умопредставлений, литературу характеризует освобождение от культурных и социальных догм и канонов, лучшие романы современных якутских авторов, в том числе «Тыгын Дархан» В. Далана, «Третий глаз» и «Манчаары» И. Гоголева, «По велению Чингисхана» Н. Лугинова, отличает широкий историко-культурный, этногенетический аспект осмысления истории народа.

Роман «Тыгын Дархан» В. Далана является этапным произведением, открывшим новую страницу в развитии жанра романа в якутской литературе. В обстоятельствах времени, характеризующегося большей творческой свободой писателя, В. Далан первым воссоздал наиболее сложный период истории народа Саха конца XVI — начала XVII вв.

Произведение отличает эпическая масштабность, энциклопедическая широта в воссоздании своеобразного мировидения и мироотношения народа, во многом определенного природой края.

Органическая взаимосвязь человека и природы организует всю сложную архитектуру произведения. Мифопоэтический локус долины Туймаады приобретает кон-

цептуальную роль, сюжетоорганизующую функцию. Долина Туймаады как контрапункт повествования находится в эпицентре всех сюжетных коллизий в романе.

Символический образ прекрасной Туймаады, колыбели народа саха, приобретает архетипическое значение, способствует воссозданию единства пространственно-временных отношений, обозначая и время, и место действия, своеобразие хронотопа. Естественный ритм природы определяет логику художественного повествования.

Долина показана в разные времена года: в дни весеннего половодья и в ожидании близкой зимы, но более всего — в дни весеннего пробуждения природы и летнего цветения. Многочисленные пейзажные картины глубоко лиричны, одушевлены чувством сыновней любви к родной земле, звучат как гимн во славу вечной жизни. Любуясь природой, лирический герой восклицает: «Как не жить, как не трудиться на земле, не терпеть стужу и зной, зная, что каждый раз тебя ожидает такое чудо ...» [5].

Символическое значение долины Туймаады усиливают описания других окаймляющих ее природных мест: великой реки, гор Чочур Мыраан, Суруктаах Хайа, Ытык Хайа. Здесь, на Чочур Мыраане, разыгралась трагедия Керемеса, здесь прекрасная шаманка Тыасааны с благословением народу уходит из жизни, и здесь же юные герои романа мечтают о подвигах богатырей олонхо.

Произведение пронизано заботой о нравственном здоровье молодого поколения. По логике авторской позиции, для формирования личности важна сама природная среда, ее великие явления.

В ход событийной канвы эпического повествования вплетаются рассказы о других священных местах природы Якутии: это Саргылаах Сайсары, реки Амга, Виллой, великие озера Тюнгюлю и Кыыс Хана и т. п. «География» священных мест в романе органично связана с историей народа, с его верованиями и традициями.

Масштабность и объемность философско-эстетической концепции романа предопределили актуализацию традиций народного эпического творчества, фольклора. В произведении В. Далана по-своему отразилось такое явление в прозе конца XX века, как «неомифологизм». Мифопоэтическая основа повествования определена плодотворным обращением к народному эпосу олонхо, к преданиям, мифам, легендам, что обусловило своеобразие стиля, внутренний ритм прозы, особенности характерологии. Постоянные реминисценции из олонхо органичны в структуре романа. Роль автора-повествователя близка позиции эпического сказителя. Как писал И. В. Пухов, в «олонхо все дышит природой» [7, с. 41]. Особая роль развернутых пейзажных описаний — отличительная особенность поэтики олонхо — получила развитие в современном эпическом жанре. Описания природы в романе пронизаны интонацией народного эпоса, сам слог повествования, торжественный и красочный, изобилующий метафорами и сравнениями, повторами и синтаксическими параллелизмами, наполнен поэзией эпического сказания. Стиль романа основан на реставрации архаических пластов языка народа, что придает повествованию глубокий философский смысл в утверждении вечных ценностей бытия.

В эпическом повествовании естественны мифологизм и анимизм, позволяющие воссоздать мироотношение и мировосприятие народа, его религиозные воззрения. Анимистические представления нашли выражение в многочисленных мифологических персонажах, одухотворяющих мир природы: это сама хозяйка матери-природы Аан Алахчын Хотун и бог коня Джесегей, и жестокий бык зимы, и духи трав и деревьев.

В эпическом ключе народных преданий предстают основные герои романа. В системе героев наибольшей нравственной красотой наделены персонажи, особенно близкие к природе, тонко воспринимающие ее потаенную жизнь — это такие, как Нюрба-

чан, Тыасааны, Керемес. Они противостоят насилию, утверждая завет предков: жизнь основана на любви, на прекрасных и добрых чувствах, на светлом разуме.

Синтезом мифологизма и историзма обрисован в романе образ легендарного Тыгын Дархана, поставившего перед собой цель объединения народа в единый Ил (согласие, мир). Даже суровый Тыгын ощущает на себе умиротворяющее воздействие природы. В своих раздумьях о будущем народа, о создании Ил он постоянно обращается к небу, к звездам, как бы спрашивая у них совета.

В романе В. Далана показан традиционный трудовой календарь, как составная часть духовной культуры народа. Весь строй жизни северного народа определяется природно-климатическими условиями, создается геокультурный образ мира, где особую роль играет ландшафт, климат, смена времен года.

Календарные обычаи и обряды, как концентрированное выражение духовной, материальной, экологической культуры народа, имеют важное историко-культурное значение, выражая своеобразие этнического самосознания, традиционных верований.

Мифологизм не противоречит реалистическому изображению народной жизни. Стремление жить в согласии с ритмом природы характеризует разумную упорядоченность трудового годовичного цикла.

Менталитет саха определяется его трудовой деятельностью и, прежде всего, скотоводством и коневодством. Естественно входят в сюжет описания смены одной трудовой страды другой: сенокоса — осенним ловом рыбы, а того — подготовкой жилища к суровой зиме. Красочно описаны многочисленные обряды: свадебный, испрошения благодати у Ала-Мылахсын — покровительницы рогатого скота, кропления кумысом в первый день сенокоса, посвящения в боотуры — благодаря всему этому создается живой, полноводный поток народной жизни.

Главный календарный праздник народа саха — Ысыах («Уйгу тунах ыгыах») — показан в мифопоэтическом плане. Современный автор по-своему развивает традиции великого А. Е. Кулаковского, воспевшего ысыах как «ликующий праздник бытия» в поэме «Наступление лета».

Ысыах белого изобилия на благословенной земле Туймаады знаменует конец старого и начало нового трудового года. Как отмечал М. Бахтин, «празднество (всякое) это важная первичная форма человеческой культуры» [1, с. 11]. В этом празднике воедино слились и хозяйственно-трудовые и культурные традиции, и религиозные верования народа.

Народное празднество показано как апофеоз мирной жизни, символ духовного единения. Верховный правитель Туймаады Тыгын Дархан решил созвать все улусы, чтобы начать разговор о главном — об устройстве великого Ила (мира, согласия).

Полно внутренней экспрессии, сакрального смысла описание народного хороводного танца осуохай, когда люди в едином порыве воздают хвалу светлым божествам — айыы, родной природе, звучащую как гимн самой жизни. Народные празднества и обряды несут в романе глубокий эстетический заряд, утверждая идеал прекрасного, оптимистическую веру в будущее.

Таким образом, мифопоэтический локус долины Туймаады в системе эпического романа получает многоплановое освещение сообразно философско-эстетической концепции всего произведения.

Заповедные места природы Якутии нашли воплощение в жанре философского романа в творчестве И. Гоголева-Кындыла. Три последних романа писателя — «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999), «Манчаары», — представляющих собой своеобразную трилогию, отличает напряженность нравственно-философских исканий. Автора волнует весь спектр мировоззренческих вопросов, стоящих перед современным человеком. Герои И. Гоголева

ищут ответы на самые насущные вопросы бытия: о смысле человеческого существования, о вечном противостоянии добра и зла, земли и неба. Существенное место в этих размышлениях занимают проблемы веры, по известным причинам не затрагивавшиеся в литературе предыдущих десятилетий.

В романах И. Гоголева символическое значение приобретают те же великие явления природы, что и в эпическом романе В.Яковлева-Далана «Тыгын Дархан»: река Лена, долина Туймаады, священные горы, Виллой. Но в философском романе эти явления природы приобретают иное звучание.

В произведениях И. Гоголева, написанных в манере «магического реализма», реальное и фантастическое, историческое и мифологическое соседствуют, получая многозначность и сложный философский подтекст. В современном мифологизирующем повествовании автор, опираясь на глубинные мифо-синкретические структуры мышления, порой сознательно идет на нарушение причинно-следственных связей, причудливо совмещая разные времена и пространства, основываясь на изначальных архетипических константах человеческого бытия и природы, таких, как солнце, вода, гора, огонь, детство, старость и т. п.

В своих философских романах И. Гоголев в центр внимания выдвигает традиционные нравственные, религиозные представления народа саха. Трагическая нота последних произведений писателя, в том числе романа «Богиня милосердия» определена состраданием к людям, которые сами изгнали бога из своей души и тем самым привели к гибели родную природу (судьба реки Виллой). Автор убежден, что только ценой больших испытаний человек сможет вновь обрести веру и к нему вернется «богиня милосердия».

Новое нравственно-философское мышление, в основе которого мысль о единстве человека и природы, человека и космоса, о единстве всего рода человеческого представлено в романе «Третий глаз» (1999).

На страницах романа природа чаще предстает в зените цветения, в радостных светлых красках, выражая оптимистический пафос жизнеутверждения. Герой делает для себя важное открытие: «В мгновения, когда душой сливаешься с природой, кажется, что это и есть настоящее земное счастье» [3, с. 71]. Он воспринимает жизнь как бесценный дар и в то же время как неразгаданную тайну бытия.

В выявлении гуманистической концепции романа важное значение приобретают диалоги о смысле жизни, о вере, о судьбе земной цивилизации. Узловое значение приобретает диалог-диспут о роли веры: учителя человечества — Будда и Христос — наставляли, что силой, способной утвердить мир и добро на земле, является вера — появляется мотив веры в единого бога.

Одна из самых сложных проблем, поднятых в романе, — вопрос о взаимоотношениях различных верований, религий — утверждается идея толерантности, веротерпимости. Герой И. Гоголева не согласен с мнением, что вражда племен определена природой: «Нет плохих народов на земле, у всех есть добрые качества, особенности, все тянутся к доброму светлomu... Все они — дети солнца... Земля всем народам — добрая мать, а мать одинаково любит всех своих детей» [4, с. 202].

Герои романа, а вместе с ними автор, выражают уверенность в том, что наступит время, когда все народы на земле породнятся, только надо работать, приближать это будущее светом учения и добра. Слова якутского автора перекликаются с бессмертными строками великого Пушкина о временах, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Устами своих героев писатель выражает убеждение в том, что никакая высокая цель, никакая великая идея не могут служить оправданием призыва к кровопролитию, вновь и вновь утверждая спасительную силу слова, благословения: «Айыы сирэ амарах алгыска турар» — «Земля айыы стоит на благословении».

В романе многопланово раскрывается «философия» любви как закона жизни: «Все люди могут приблизиться к богу. Когда? Если научатся любить, как бог, все живое и неживое. Только любовь делает человека богом. Только любовь наделяет человека чистым, высоким разумом, доброй душой. Только любовь делает человека по-настоящему свободным».

Мысли о высоком предназначении человека проходят через весь последний роман писателя «Манчаары». В формировании характера юного героя определяющую роль сыграл микрокосм родного алааса Арыылаах, окружающий мир родной природы. Как духовный двойник Манчаары воспринимается вечный образ дерева жизни — величавой сосны.

Природа зародила в душе Манчаары пронзительное чувство любви к родной земле, сопровождающее всю его многотрудную судьбу, полную лишений и скитаний. Впоследствии, совершая каждый раз побег из заточения, он вновь чувствует себя настоящим человеком айыы, лишь возвратившись на родную землю, в алаас Арыылаах, как бы вновь обретая крылья.

Таким образом, «география» священных мест природы Якутии, долины Туймаады в

романах якутских писателей предстает как материнское лоно природы, взрастившей и сформировавшей его менталитет.

В наиболее значительных произведениях современной прозы авторы едины в главном — в стремлении художественно запечатлеть уникальный духовный, нравственный опыт своего народа, высокую экологическую культуру, имеющие общечеловеческое значение, что чрезвычайно важно для будущего.

Органическая взаимосвязь человека и природы определяет концептуальную основу произведений. Соединяя национально-эпические традиции, неомифологизм и возможности реалистического повествования, лучшие романы примечательны жанровым синкретизмом, в них философия народной жизни представлена в единстве исторического, этнографического, нравственно-психологического начала.

Геокультурный образ мира, воссозданный в наиболее значительных романах, является художественным выражением самоидентификации народа, его исторического прошлого и будущего и служит актуальной проблеме нравственного, эстетического, патриотического воспитания молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 2000. 541 с.
2. Боескоров Г. К. Мастерство Н. Е. Мординова. Якутск: Кн. изд-во, 1973. 238 с.
3. Гоголев И. М. Богиня милосердия. Якутск, 1993. 272 с. (на якутском языке).
4. Гоголев И. М. -Кындыл. Третий глаз: Роман-поэма. Якутск: Бичик, 1999. 240 с.
5. Далан В. Тыгын Дархан. Якутск, 1994. 432 с. (на якутском языке).
6. Мординов Н. Е. Весенняя пора. М., 1993. 396 с.
7. Пухов И. В. От фольклора к литературе. Якутск: Якутское книжное издательство, 1980. 368 с.
8. Щукин В. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 606 с.
9. Якутский Н. Судьба. Якутск, 2005.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Rennessansa. M.: Hudozh. lit., 2000. 541 s.
2. Boeskorov G. K. Masterstvo N. E. Mordinova. Jakutsk: Kn. Izd-vo, 1973. 238 s.
3. Gogolev I. M. Boginja miloserdija. Jakutsk, 1993. 272 s. (na jakutskom jazyke).

4. Gogolev I. M. *Kyndyl. Tretij glaz: Roman-pojema*. Jakutsk: Bichik, 1999. 240 s.
5. Dalan V. Tygyn Darhan. Jakutsk, 1994. 432 s. (na jakutskom jazyke).
6. Mordinov N. E. Vesennjaja pora. M., 1993. 396 s.
7. Puhov I. V. Ot fol'klora k literature. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. 368 s.
8. Shchukin V. Rossijskij genij prosveshchenija: issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej. M.: ROSSPJEN, 2007. 606 s.
9. Jakutskij N. Sud'ba. Jakutsk. 2005.

S. V. Alikova

ПРЕДЕЛЬНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ

Рассматриваются определения предельных и непредельных глаголов отечественных и зарубежных лингвистов, а также значимость этой категории при идентификации аспекта немецких глаголов.

Ключевые слова: предельность, непредельность, аспект, способ действия, перфективность.

S. Alikova

Limiting Character as a Functional Semantic Category of Aspect of German Verbs

In the article are considered the definitions of limiting and unlimiting verbs given by Russian and foreign linguists and also the importance of this category for identifying German verbs' aspect.

Keywords: limiting character, unlimiting character, aspect, action way, perfect character.

Деление глаголов на предельные и непредельные является важной характеристикой для функционально-семантической категории аспектуальности. Так же, как и способы действия, оно определяется как лексико-семантические разряды. Это оправдано, так как и противопоставление по признаку предельности — непредельности, и вычленимые при этом способы действия представляют собой аспектологические классы и субклассы, содержащие в своем лексическом значении обобщенные, категориальные компоненты, которые относятся к ведению «скрытой» грамматики и являются грамматическими сигналами, имплицитно содержащимися в семантике слов. Понятийная категория предельности/непредельности может быть отнесена, по мнению

Ю. С. Маслова, к числу лингвистических универсалий [6]. Применительно к системе немецкого глагола данная оппозиция интерпретируется как непротяженность/протяженность глагольного действия во времени. При этом понятие непротяженности, отсутствия длительности включает в себе представление о действии, протекание которого ограничено во времени — «zeitlich begrenzt». Понятие протяженности, длительности, — напротив, предполагает действие, протекание которого не ограничено во времени, — «ohne Begrenzung seiner Dauer» [3, с. 14].

Несмотря на то, что вид (аспект) и лексико-грамматический разряд предельности — непредельности представляют собой взаимосвязанные и родственные аспектологиче-